

А. А. Мокрушина

ФИЛОСОФСКО-АСКЕТИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ АБУ-ЛЬ-АТАХИИ

Абу-ль-Атахия (748–825) — согласно некоторым источникам полное имя поэта было Абу-ль-Атахия Исмаил ибн аль-Касим бин Сувейд бин Кайсан [1, р. 237] — родился в Ираке недалеко от города Анбар в семье вольноотпущенников. Юность будущего поэта прошла в г. Куфа. Талант Абу-ль-Атахии проявился рано и был встречен широким признанием. Большую часть жизни поэт провел в Багдаде в качестве панегириста при дворе халифов аль-Махди, Харуна ар-Рашида, аль-Амина и аль-Маамуна [2, S. 345].

Творчество Абу-ль-Атахии в основном носит философско-аскетический характер. Биографы поэта отчасти склонны объяснять данный факт событиями жизни Абу-ль-Атахии, а именно его несчастной любовью к вольноотпущеннице халифа аль-Махди, которую звали Утба [3, с. 80].

Творчество Абу-ль-Атахии условно можно разделить на два периода. На первом этапе поэт отдает предпочтение любовной лирике, которая строится по традиционным законам жанра — это, с одной стороны, вступления к панегирикам (*насиб*), с другой — небольшие стихотворения размером в пять-шесть бейтов (*газель*). Этот этап творчества поэта совпал с периодом, когда его жизнь была наполнена различного рода развлечениями [1, р. 240].

Данный период творчества поэта также ознаменовался появлением ряда стихов му'тазилитского характера [4, с. 32]. Религиозные взгляды поэта также были не совсем традиционны — он полагал, что в мире сосуществуют два равносильных божества — свет, из которого происходит все доброе, и тьма — источник всякого зла. Некоторые арабские исследователи говорят о его приверженности манихейству¹, отмечая, однако, что религиозные взгляды Абу-ль-Атахии в большей степени проявились в его поэзии, нежели в реальной жизни [1, р. 241–242, 244].

Интересующий нас этап творчества поэта был отмечен созданием поэзии философского характера. Известный арабский литературовед Шауки Дайф даже называет год, ставший переломным в жизни и творчестве поэта — по его мнению, переосмысление жизненных ценностей у Абу-ль-Атахии произошло в 180 г. по хиджре² [1, р. 240].

Абу-ль-Атахия считается основоположником литературного жанра *зухдийят*, воспевавшего философско-аскетический подход к жизни, размышления о смысле сущего и тщетности всех человеческих усилий [5, S. 156].

О жизнь!

О жизнь, к тебе я обращаюсь!
Прощенье заслужил я в этой просьбе.
Лишь горести, печали и обман я видел от тебя.

Мокрушина Амалия Анатольевна — канд. филол. наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: kodzik@inbox.ru

¹ Манихейство — религиозное течение в Римской империи с III в. н. э. до X в. Смесь элементов христианства с древнеиранской религией.

² Соответствует 797 г.

© А. А. Мокрушина, 2013

Когда казалось мне, что и частицу счастья
Сумею получить я, лишь заплатив трудами многократно,
Тогда религия мне стала утешением.
Но не найдя желанного,
Я снова в вере от тебя искал спасенья.
Все силы и упорство свои я приложил,
Чтобы забыть, как до того я жил.
Так человек среди многих зол от прочих прячет свой позор.
Но стоит радости в мой дом прийти,
Встает ей горе на пути.
И, верно, я один из тех,
Чьи чаянья оставит Бог наш без ответа...
А если б пастухом я стал,
То травы сочные пропитаны бы были ядом.
Я вижу, что тебе, о жизнь, не по душе такое угощенье?
Как будто бы от гнилости и порчи ты нашла спасенье?
Ведь стала ты, о жизнь, прибежищем раскола и разлада!
И если возжелает участи подобной человек,
Удерживать его не надо.
И раз за разом взором я проникаю в душу,
А сердце будто перевернуто в груди.
Я облачил себя в одежды воздержанья,
Довольствуюсь лишь малым.
И сокровищем бесценным стал мой нрав.
Не знаю лучшего удела,
Чем желаний скромность,
Ничто так не украсит человека,
Живущего с протянутой рукой.
Я знаю, что достоинство всегда союзник чести,
Что мудрость и воспитанность идут друг с другом вместе.
И во враге не видел я врага,
Гнев — самый страшный враг.
Как и в беде не видел я товарища,
Не знаю я, что связывает мертвое с живым [6].

Тем не менее, тема отхода от жизненных удовольствий занимает не основное место в поэзии жанра *зухдийят*, так как средневековые исследователи традиционно относили к нему произведения элегического и благочестивого характеров. Недаром имя Абу-ль-Атахии связывали с понятием *ахлякийя* (от *ахляк* — мораль, этика), что подразумевало сознательно избранный путь добродетельного и набожного человека [5, S. 25].

Сложнейшая борьба

Сложнейшая борьба — со страстью игра,
И благочестен тот, в ком набожность живет.
Характер благородного известен всем:
Он делает добро,
Не причиняет зла.
Наскучили нам шутки,

А в длинных речах лишь злоба неприкрытая и лесть.
Приятна сладостью своею новизна нам,
Привычное уходит скоротечно.
Нет в мире ничего, что без изъяна.
Всё в мире имеет свой конец, ничто не вечно.
Не может быть богатством стрела в руке,
Души богатство — вот главное сокровище.
Поистине, то, что не видно глазу
Таит в себе богатство [6].

Традиционно считается, что жанр *зухдийят* возник под влиянием греческих религиозно-философских учений и христианского аскетизма, хотя аналогичные черты — рассуждения о бренности сущего — можно встретить в традиционной доисламской поэзии (VI в.) у Имруулькайса, Зухайра и др. Для нового жанра Абу-ль-Атахия позаимствовал некоторые особенности традиционной доисламской заплочки (*писа*), для которой свойственны были ритмические повторы и восклицания. Абу-ль-Атахия создал огромное количество произведений в жанре *зухдийят*, предвосхитив появление некоторых черт, свойственных суфийскому мировоззрению [3, с. 79].

Моим друзьям

К вам, добрые друзья, вновь обращаюсь я!
Возможно, тяжесть на душе пройдет.
Кто ищет правды, правду и найдет,
Не знает страха храбрый человек,
И если справедливость правды путь вершит,
То зло калекой сторбленным на том пути стоит.
Нрав набожного, доброго во тьме,
Как лампы яркий свет —
Он озаряет путь.
Намеренья его чисты, слова ясны,
С дороги выбранной не должен он свернуть!
Хоть нет у человека дара волю божью знать,
Он воли божьей сам не сможет избежать.
Прошли века, забытые сейчас,
И сами мы исчезнем вслед за ними.
Но берегись, богач!
Ты позабыл те дни, что прежде были!
Тот верен путь, что выбрал себе сам,
Ведь можно потерять,
Что держишь ты в руках.
Вчера бедняк, назавтра он богач,
Короной венчанной.
Клянусь, не так уж жизнь мне дорога,
Пусть даже будет приукрашена она.
Но даже если бы любил ее,
Лишь вера — вот призвание мое [6].

Появление данного направления во многом было вызвано чуждой поэту обстановкой, сложившейся в этот период при дворе. Отсутствие стабильности в стране, постоянные политические заговоры рождали в обществе два основных стремления — с одной стороны, поиск мимолетного наслаждения, с другой — сознательный отказ от земных радостей, который обеспечит вечное блаженство в другой жизни. Именно поэтому поэзия Абу-ль-Атахии содержит завуалированную, но достаточно жесткую критику нравов, царивших при дворе [2, S. LXXVIII].

Всё к Богу возвратится

Всё к Богу возвратится,
А человек тому не перестал дивиться,
Хвала Ему, чье имя славное,
И далеко, и близко.
Сокрыто.
Как часто уходя и возвращаясь,
Не мог он скрыться.
Богач, которого хранила жизнь сама,
Чужим богатством соблазнившись,
Теряет всё.
О хозяин мира! О тот, кто любит этот мир!
Ты, чья усталость вечна,
Ты перестроил дом, который жаль покинуть,
Дом с тысячами комнат...
Но если позабудешь тех,
Над кем судьба взяла свой верх,
Тех, чьи заслуги и дела она к высотам вознесла,
Как если б жалкий муравей на крыльях к гибели своей
Взмыл в небо.
От жизни я пытался взять всё,
Но понял, что не смог.
Ты берегись ее!
Не соблазнись ее дарами!
Ведь благородство человека в набожности скрыто,
И сила — в правде для него,
Религия — его достоинство.
А кротость с добротой лишь украшают человека,
Венчают же его учтивость с честью.
И мир наш есть добро,
Все люди, так или иначе, близки по крови.
Так делай то, что нужно,
Лишь зная наперед о том, что хочешь получить.
И зарекайся то творить,
Чего понять не можешь [6].

Стихи Абу-ль-Атахии даже на начальном этапе творчества несли философский оттенок. С течением времени данный мотив лишь усилился в произведениях поэта, приобретя пессимистическую окраску.

Хочет человек

Всё что-то хочет человек,
Но ищет смерть его.
И вертится из века в век
Удачи колесо.
Тот не накопит золота, кто жаден был до благ.
Решенье Бога одного дарить или отнять.
Но ты не сетуй на судьбу,
Ведь мало среди нас,
Тех, кто с судьбою заодно, кто смог ее принять.
А человек всего лишь то, что носит на себе.
Всё видит Бог всевидящий, глядя с небес на нас.
И смерть как омут,
Не уйдешь так просто от нее.
Но горек вкус отравленный — смертельное питье.
Порою смело человек о смерти говорит,
Но самое сокрытое, что в сердце он таит
Смерть вырвет из груди его когтистой рукой.
Как часто видел я того, кто сладость возносил,
Оплачет сладость жизнь его, лишая жизни сил [6].

Данный исторический период подарил целую плеяду выдающихся поэтов, многие из которых привнесли что-то новое в традиционный стиль арабской поэзии [7, с. 216]. Стремление Абу-ль-Атахии отойти от традиционных жанров, обратившись к жанру философской лирики, во многом объяснялось не только безусловным талантом поэта, но и особым складом его личности.

Часто появляющаяся тема в творчестве Абу-ль-Атахии — тема покаяния перед тщетностью и неотвратимостью судьбы. Лишь отказ человека от мирских наслаждений способен дать душевное успокоение человеку, которого не способна дать даже вера в Бога.

Лились мои слезы

Лились мои слезы над виною моей
Но не было скорби...
И к вам я взываю, покорность и стыд!
Ведь если Бог скажет:
«Как мог ты, ответь,
От нас отвернувшись, упрек мой презреть?
Как можешь ты прятать от прочих свой грех?
И верность мне ты отрицаешь при всех!
Покайся же в том, что свершил!..»

Случается что-то

Случается что-то, приходит, уходит,
Здоровья лишая, даруя здоровье.
Но Бог всегда знает сокрытое в сердце,
Не спрячешь от Бога, что спрятать захочешь.
И где теперь те, кто копили богатства?

Где те, кто года в век огромный сложили?
Пусты те дома, где они прежде жили.
И нет площадей, где ходили те люди,
Но я удивляюсь тому, кто забудет
Могилы и горе тех прежних людей.
Хвалу возношу тем, кто помнит о них,
Кто мертвого чтит, оставаясь в живых.

Обращение к Богу

К Богу
На то, что постигло нас, жалобу шлём.
Ведь беды с несчастьем во власти Его.
Пришли мы из мира,
И мы его племя.
Ни с мертвыми мы, ни с живыми [6].

При этом в поэзии Абу-ль-Атахии отсутствует презрение ко всему сущему, которое часто можно встретить в литературе философско-аскетического характера. Поэт, напротив, призывает отказаться от таких чувств, как зависть, несправедливость и злоба к людям.

Хвала Богу

Я Богу возношу хвалу за то, что вижу.
Тот, в ком нужда есть, воссияет ярко.
О ты, который создает,
Ты сердцем добр, но была страданий жизнь твоя полна.
Мягка земля, так пусть она тебе периной будет.
Не делай зла другим, ведь Бог тебя осудит.
Терпение — прекрасно,
И как прекрасна правда!
Всё это украшает человека.
А злость — беда, хоть набожностью иногда прикрыта.
И доброта есть счастье,
Аскетизм — богатство.
Соперничай, коль мудрый ты соперник.
Но братом сможешь ты назвать того лишь,
В ком набожность живет.
И Господь наш воздаст
Всем людям по деяньям их.
Кто цель имеет, тот ее достигнет.
Кто любит жизнь,
Пусть бедность и лишенья примет,
И будет жизнью вечной награжден [6].

В поисках новых поэтических форм Абу-ль-Атахия часто использовал рифмы, размеры и приемы, несвойственные арабской поэзии того времени [5, S. 31]. Например, *иджаза* — стихотворная строфа, написанная в соответствии с размером и рифмой произведения другого поэта и выступающая в качестве дополнения к нему [5, S. 103]; *бухуур мухмала* — редко использовавшийся размер [5, S. 153]; *муздауадж* — новая по-

этическая форма [5, S. 170], *рубай* [5, S. 204]; *таулид* — использование новых поэтических образов [5, S. 300].

Тем не менее, стихи Абу-ль-Атахии отличаются относительной простотой восприятия, доступностью языка и лишены традиционной вычурности [2, S. 345]. Возможно, это стало одной из причин огромной популярности, заслуженной поэтом при жизни и сохранившейся на протяжении веков после его смерти.

Литература

1. *Shawki Dayif*. Ta'arikh al-'adab al-'arab. Al-'asr al-'abbasi al-'awwal. Al-Qahira, 1966. 580 p.
2. *Danecki J.* (red.) Poezja arabska. Wiek VI–XIII. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1997. 545 S.
3. *Фильштинский И. М.* Арабская литература в Средние века (VIII–IX вв.). М., 1978. 255 с.
4. *Крачковский И. Ю.* Поэтическое творчество Абу-л-Атахии // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 15–51.
5. *Adnan Abbas*. Arabic poetic terminology. Poznan, 2002. 356 p.
6. Adab. Shua'raa' min t-t'ariikh l-'arabii. URL: <http://literature.alwatanyh.com/> (дата обращения: 16.07.2012).
7. *Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Наука, 1973. 473 с.

Статья поступила в редакцию 10 января 2013 г.